

На правах рукописи

МОНОГАРОВА АЛИНА ГЕННАДЬЕВНА

**СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС МЕДИАЦИИ:
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ И
СИСТЕМА ПРАГМАТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ**

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пятигорск – 2017

Работа выполнена на кафедре западноевропейских языков и культур
Института перевода и многоязычия
в ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Алимурадов Олег Алимурадович,
ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»,
начальник управления научной работы

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Олянич Андрей Владимирович,
ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный аграрный университет»,
профессор кафедры иностранных языков

доктор филологических наук, профессор
Голованова Елена Иосифовна,
ФГБОУ ВО «Челябинский
государственный университет»,
профессор кафедры теоретического и
прикладного языкознания

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»

Защита диссертации состоится 20 июня 2017 г. в 12.00 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.193.02 в ФГБОУ ВО
«Пятигорский государственный университет» по адресу: 357532,
г. Пятигорск, проспект Калинина, конференц-зал № 1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» и на сайте
ФГБОУ ВО «ПГУ»: <http://www.pglu.ru/science/diss/?ID=173008>

Автореферат разослан «   » апреля 2017 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л.М. Хачересова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферлируемое диссертационное исследование выполнено на стыке терминоведения и прагматического анализа дискурса и посвящено описанию современного англоязычного дискурса медиации с позиций его терминологической составляющей и прагматических стратегий и тактик, используемых его субъектами.

Процедура медиации, официально утвердившаяся в США во второй половине 60-х годов XX в., сегодня быстро набирает популярность во всем мире, в том числе и в России [Шамликашвили, 2006; Warshauer, 2008; McCorkle, Reese, 2005]. В частности, 30 июля 2014 г. председатель Правительства РФ Д.А. Медведев утвердил «Концепцию развития до 2017 года сети служб медиации» в нашей стране. В документе определены основные цели, задачи и направления деятельности по созданию сети служб медиации, организации их работы, по подготовке профессиональных медиаторов, а также по внедрению с их помощью медиативной и восстановительной практики в работу с детьми и подростками, совершившими общественно опасные деяния.

Заметный интерес государственного аппарата и общественности к медиации как к досудебному методу разрешения споров обусловлен очевидными преимуществами этой гибкой и экономичной процедуры, дающей возможность урегулировать разногласия конфиденциально с помощью нейтрального посредника (медиатора) в интересах обеих сторон, не прибегая при этом к дорогостоящим (и зачастую публичным) судебным разбирательствам. **Актуальность** нашего диссертационного исследования определяется тем, что растущая популярность медиации, о которой говорилось выше, обуславливает необходимость изучения лингвистических особенностей данной дискурсивной практики, так как успех медиации напрямую зависит от эффективности и конструктивного характера коммуникации, протекающей между участниками процедуры. Именно от правильно выбранных и имплементированных прагматических стратегий зависят как развитие переговоров, так и возможность достижения компромисса между сторонами.

Немногочисленные лингвистические исследования, посвященные проблематике дискурса медиации, проводившиеся до 2016-2017 гг. в России и за рубежом, ограничивались рассмотрением контраргументации [Барбина, 2012] и дискурсивного позиционирования коммуникантов [Haynes et al., 2004; Monk, Winslade, 2000] в медиации. Между тем, вопросы, касающиеся актуализации прагматических стратегий участников процесса, а также формирования и функционирования терминов медиации, остаются без внимания исследователей.

Выделенные и описанные нами в работе основные параметры и характеристики структуры дискурса медиации позволили разрабо-

тать определенную базу для дальнейшего изучения частных аспектов данной дискурсивной практики.

Обращение к исследованию англоязычной терминологии медиации (ТМ) обусловлено её значением в реализации целей дискурса медиации. Актуальность данного выбора определяется современным состоянием ТМ, которая на сегодняшний день представлена в виде разрозненных глоссариев (никаких источников, систематизирующих соответствующие термины и их дефиниции, нет). В 2002 г. австралийская ассоциация медиаторов NADRAC опубликовала доклад [ADR Terminology: A Discussion Paper, 2002], в котором выразила обеспокоенность состоянием англоязычной терминологии медиации и призвала практикующих медиаторов и лингвистов к проведению совместных исследований по определению «жизнеспособных» терминов данной сферы, их систематизации и разработке дефиниций. Среди основных проблем были отмечены частые противоречия в использовании терминов медиации и процедур ARD (Alternative Dispute Resolution) в различных странах, что порождает сложности в работе медиаторов на международном уровне. Неизученность и неупорядоченность ТМ препятствуют также подготовке и переводу специальной литературы и стандартов по проведению медиативных процедур конкретных типов. Таким образом, **актуальность** настоящей диссертации также обусловлена тем, что в ней определены основные препятствия систематизации англоязычной ТМ и разработаны рекомендации по их устранению.

Объектом исследования в настоящей диссертационной работе является современный англоязычный дискурс медиации.

Предмет изучения двуедин и сводится к а) терминологии медиации как лексическому базису соответствующего профессионального дискурса и б) комплексу прагматических стратегий и частных тактик, используемых медиатором и конфликтующими сторонами в процессе дискурсивного взаимодействия.

Целью исследования выступает комплексное описание современного англоязычного дискурса медиации посредством исчисления структурных и семантических моделей терминов медиации и выявления системы прагматических стратегий, используемых в данном виде дискурса.

Достижение обозначенной цели предполагает поэтапное решение следующих **задач**:

1) выявление основных лингвистических параметров англоязычного дискурса медиации как одного из видов профессионального дискурса, имеющего институциональный характер;

2) определение границ терминологии медиации и точек соприкосновения ТМ и терминологий смежных сфер (юриспруденции, психологии, конфликтологии и т.д.);

3) структурно-семантический анализ англоязычных терминов медиации и исчисление основных моделей терминологии в данной профессиональной сфере;

4) изучение факторов, препятствующих систематизации терминологии медиации, и разработка предложений по их устранению;

5) рассмотрение прагматической структуры дискурса медиации посредством выявления и описания системы стратегий и тактик, используемых медиатором и сторонами конфликта в реальном процессе устной медиации на английском языке.

Для достижения поставленной цели был использован комплексный **метод исследования**. Работа с терминологией и стратегиями дискурса медиации предполагала применение таких методов и приемов анализа, как построение структурных моделей терминологии, стратификацию семантической структуры терминов на ядро и периферию, а также дефиниционный анализ, построение понятийных сетей и количественный подсчет. Изучение прагматического аспекта англоязычного дискурса медиации обусловило необходимость применения методов контекстуального и дистрибутивного анализа.

Основные методологические принципы, составившие *общенаучную базу* исследования – экспансионизм, эмпиризм, экспланаторность, функционализм и антропоцентризм.

Частнонаучная методологическая база включает труды отечественных и зарубежных ученых в области терминоведения (Е.И. Голованова, Б.Н. Головин, В.П. Даниленко, В.М. Лейчик, Г.О. Винокур, Д.С. Лотте, Е.А. Никулина, Л.В. Попова, А.В. Суперанская, З.А. Харитончик, E. Wuster, K. Kageura, A. Nøy, M.T. Cabré, O. Streiter, L. Voltmer, J. Myking, M. Kristiansen, J.S. Justeson, S. Katz, H.J. Kockaert, F. Steurs, P. Faber, S. Ananiadou), систематизации терминологии (Д.С. Лотте, С.Д. Шелов, В.М. Лейчик, F. Steurs, J. Humbley, F.W. Riggs, A. Rey, J.C. Sager, L. Bowker), теории дискурса (А.А. Кибрик, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, О.С. Иссерс, Е.С. Кубрякова, Е.А. Кожемякин, Е.В. Пономаренко, О.Л. Михалева, М.Ю. Олешков, А.В. Олянич, А.Ю. Попов, И.В. Тубалова, В.Е. Чернявская, A.M. Gill, K. Whedbee, R. Geluykens, T.A. van Dijk, W. Kintsch, G. Brown, G. Yule, R.A. Beaugrande, D. Tannen, D. Gillian, N. Fairclough) и его прагматической структуры (О.А. Леонтович, М.Ю. Олешков, В.В. Богданов, J.J. Gumperz, T.A. van Dijk, R.T. Lakoff, M. Roan, M. Romano, M.D. Porto, B. Johnstone, C. Barker, D. Galasiński и др.).

Материалом для исследования послужил составленный нами электронный текстовый корпус, включивший 1282 фрагмента англоязычного дискурса медиации (751 725 словоупотреблений), в числе которых 469 статей, 552 документа по медиации, 216 официальных докладов и нормативных актов, опубликованных медиативными ассо-

циациями, консультационными советами, и 45 скриптов записей медиативных сессий. В исследовании использован материал 1999-2015-х годов, в течение которых имели место значимые этапы развития медиации в англоговорящих странах. Источниками эмпирического материала послужили официальные сайты ассоциаций медиаторов США, Великобритании, Австралии, Канады и Сингапура.

Для исчисления семантических, структурных и мотивационных моделей терминединиц, а также для количественного анализа была создана электронная «Многоаспектная англо-русская база данных терминологии медиации».

В рамках изучения прагматических стратегий в медиации, помимо 45 расшифрованных фрагментов из корпуса, были также проанализированы 144 видеозаписи (общее время звучания: 56 часов 24 минуты) совместных и отдельных медиативных сессий, размещенных в публичном доступе на каналах практикующих медиаторов и ассоциаций медиаторов, расположенных на видеохостинге *youtube.com*.

Основная **гипотеза** работы сводится к тому, что медиация как полисубъектная коммуникативная деятельность, направленная на внесудебное решение конфликтов, реализуется через профессиональный дискурс медиации, имеющий модульную структуру, представленную в последовательности сменяющих друг друга этапов коммуникативного взаимодействия (совпадающих с логическими этапами процедуры медиации). Прагматический аспект данного вида дискурса раскрывается через набор взаимокоррелирующих субъектно-ориентированных кооперативных и конфронтационных стратегий, направленных на защиту личных интересов каждого участника дискурса. Профессиональный характер англоязычного дискурса медиации проявляется в актуализации в нем специфической терминосистемы, характеризующейся определенными структурными и семантическими моделями, по которым строятся конкретные терминединицы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Англоязычный дискурс медиации представляет собой один из видов институционального дискурса и характеризуется следующими лингвистическими параметрами: полисубъектностью, интертекстуальностью, модульной структурой, отражающей регламентированный процесс поэтапного развертывания медиативной процедуры, последовательным сочетанием устной и письменной коммуникации, а также диалогической, монологической и групповой форм общения.

2. Англоязычная терминология медиации – лексическая подсистема, обслуживающая сферу медиации и маркированная открытостью, регулярностью, проявляющейся через унификацию способов терминединивации, а также динамичностью обновления в сочетании с относительной стабильностью. Основой данной подсистемы являются базовые термины, возникшие именно в рамках рассматриваемой

профессиональной сферы. Их семантическое наполнение остается неизменным, несмотря на приращение профессионального знания. Терминология медиации обнаруживает множественные содержательные пересечения с терминологиями смежных сфер (юриспруденция, альтернативное урегулирование споров, психология, конфликтология и т.д.), заимствуя лексические единицы из данных подсистем. Возникновение пересечений обусловлено комплексом разнопорядковых факторов, имеющих преимущественно экстралингвистическую природу. Точки пересечения с другими терминологиями маркируют внешние границы терминологии медиации.

3. В структурном отношении в англоязычной терминологии сферы медиации количественно преобладают двухкомпонентные термины, большинство из которых образовано по модели Adj. + N. Терминообразование реализуется преимущественно на основе синтаксических (70,66 % выборки) и морфосинтаксических (15,6 % выборки) моделей; аббревиация характеризуется относительно невысокой частотностью. С точки зрения семантической структуры, в ТМ количественно преобладают одноядерные термины с периферией (81,14 % выборки); в меньшей степени представлены одноядерные термины, одноядерные с периферией и добавочной областью, а также двуядерные термины. Большинство терминов медиации являются мотивированными; при этом мотивирующий признак указывает на одну из черт, характеризующих феномен медиации и ее базовые принципы. Термины исследуемой сферы вступают в фактические, косвенно выраженные и смешанные семантические оппозиции.

4. Основными препятствиями на пути систематизации англоязычной терминологии медиации служат: а) отсутствие реестра базовых терминов ТМ и неопределенный статус транстерминов; б) избыточная синонимия, осложняющая единообразное оформление медиативных документов и препятствующая взаимопониманию между участниками процесса; в) неопределенный статус аббревируемых терминов. Предложения по регулированию транстерминологизации в ТМ включают рассмотрение таких условий, как подтвержденная профессиональным сообществом медиаторов необходимость использования заимствованного термина, обусловленная отсутствием в ТМ собственной лексической единицы, более точно репрезентирующей соответствующее специальное понятие. Регулирование синонимии в терминологии медиации предполагает анализ при участии медиаторов-профессионалов терминов одного синонимического ряда на предмет наличия в семантике таких единиц дополнительных, конкретизирующих элементов значения. На этой основе можно определить возможность/невозможность использования синонимов для номинации разных специальных понятий (разных аспектов одного понятия) или расширения дефиниций с целью фиксации обнаруженных семантических различий.

5. Прагматический аспект англоязычного дискурса медиации раскрывается через систему субъектно-ориентированных кооперативных и конфронтационных стратегий и частных тактик, в разной степени обладающих манипулятивным потенциалом. Речевое поведение медиатора строится в рамках реализации стратегий: информирования (тактика сообщения, разъяснения и иллюстрирования), контроля над темой (тактика ввода темы и переключения внимания), трансформации конфликта (тактика обращения к чувственной стороне конфликта), убеждения (тактика ложной аргументации, тактика презентации потенциальных угроз, тактика создания образа союзников и тактика стереотипизации) и совместного поиска альтернативного решения (разведывательная тактика, тактика моделирования благоприятной альтернативной ситуации, тактика презентации возможной альтернативы). Прагматический аспект речевого поведения сторон конфликта в процессе медиативных сессий подразумевает актуализацию стратегии на повышение (тактика положительной презентации и тактика создания образа соратников) и стратегии на понижение (тактики ложной стереотипизации, обвинения и атаки).

Научная новизна исследования определяется, прежде всего, тем, что в нем впервые в отечественной германистике в сферу лингвистического анализа вовлекается англоязычный дискурс медиации. Впервые комплексному изучению с позиции структуры и семантики подвергается английская терминосистема сферы медиации. С учетом экспертного мнения профессионалов-медиаторов предложены шаги по упорядочению и унификации исследуемой терминосистемы. Рассмотрена прагматическая специфика дискурса медиации с точки зрения моделирования системы используемых субъектами коммуникации прагматических стратегий и тактик.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что она вносит определенный вклад в теорию и практику терминологии и структурно-семантического моделирования терминосистем на англоязычном материале. Эмпирически доказано, что между поверхностной и семантической структурой английских терминов возможно отсутствие изоморфизма. Выявляются типичные именно для сферы медиации способы терминообразования, показана значимость семантической терминодеривации в рассматриваемой сфере. С точки зрения лингвопрагматики проводимое исследование способствует пониманию антропоцентрической природы тех прагматических стратегий и тактик, которые находят применение в данной коммуникативной сфере. Теоретически значимым представляется также и рассмотрение выявленных прагматических стратегий и тактик в виде иерархической системы, в которой видна градация манипулятивного потенциала применяемых коммуникативных приемов.

Практическая ценность работы заключается в том, что результаты изучения терминологии и дискурса медиации могут способствовать развитию системы правового просвещения и информирования граждан, включая создание информационно-правовых ресурсов и повышение эффективности функционирования соответствующих информационно-справочных систем. Практическим выходом исследования являются получившие правовую охрану результаты интеллектуальной деятельности: «Многоаспектная англо-русская база данных терминологии медиации» (номер государственной регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности – 2016621674 от 16.12.2016), «Англо-русская база данных стратегической организации речевого поведения в медиации: стратегии, тактики, термины» (номер государственной регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности – 2017620029 от 10.01.2017). Двухязычный характер разработанных баз данных позволяет использовать результаты исследования при переводе официальных текстов, документации медиации, а также в профессиональной деятельности российских медиаторов, участвующих в интернациональной медиации и международных процедурах по урегулированию споров. Систематизированный эмпирический материал, полученный в результате описания прагматических стратегий, используемых медиатором и сторонами конфликта, может быть применен при разработке курсов по эффективному проведению переговоров на английском языке, а также в курсах практики перевода, лексикологии, лексикографии, прагмалингвистики, лингвистики текста, терминоведения. Теоретические выводы и практические результаты диссертации могут найти применение в ходе написания выпускных квалификационных работ, магистерских и кандидатских диссертаций.

Апробация работы. Основные положения, изложенные в диссертации, нашли отражение в 22 публикациях (общий объем составляет 12,17 п.л., из которых 10,8 п.л. выполнены единолично автором). 12 научных статей были опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации, 1 статья вышла в свет в журнале, индексируемом в международной наукометрической базе SCOPUS.

Теоретические выводы и практические результаты работы апробировались в виде докладов на 3 международных научно-практических конференциях: в рамках Международной летней школы «New York Institute of Cognition and Culture» (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, 2013 г.), на Международной конференции «Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: Актуальные вопросы и перспективы исследования» (Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары,

2016 г.) и на II Международной научно-практической конференции «Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире» (Белорусский государственный университет, г. Минск, 2016 г.).

Исследование получило поддержку Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-00392 «Систематизация и стандартизация терминологии медиации в России», реализуется в 2015-2017 гг.) и Министерства образования и науки РФ (проект № 2511 «Этимологический анализ юридической терминологии в медиации для обеспечения развития правовой грамотности граждан» в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», реализовывался в 2014-2016 гг.).

Композиционно диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложения.

Библиографический список включает теоретические работы, использованные при подготовке диссертации, общим количеством 167 (из них 80 – на иностранных языках), а также источники примеров.

В **Приложении** приведены схемы, диаграммы, таблицы, изображения, опросники, иллюстрирующие полученные результаты.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, формулируются цель и задачи, описываются материал и методология работы, эксплицируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся основные положения, выносимые на защиту, и сведения об апробации основных теоретических выводов и практических результатов диссертации.

В **первой главе «Современный англоязычный дискурс медиации: онтология, структура, параметры»** представлен теоретический анализ подходов к определению понятия «дискурс», выделены формы коммуникации, реализующиеся в дискурсе медиации, определены основные параметры данного вида дискурса, показан его институциональный характер, описана структура дискурсивной модели медиации.

В рамках настоящего исследования дискурс рассматривается с позиций коммуникативного, когнитивного и социолингвистического подходов, которые позволяют охарактеризовать объект изучения как социокультурно детерминированный процесс речепорождения и речевосприятия, имеющий определенную коммуникативную цель, на достижение которой направлена речевая деятельность говорящих [Олянич, 2007; Хабермас, 2003; Barker, Galasiński, 2001]. Для многоаспектного анализа англоязычного дискурса медиации (АДМ) считаем целесообразным рассмотреть когнитивных, социальных и этно-

культурных факторов, определяющих закономерности развертывания данного вида дискурса. В этом отношении комплексный *лингво-социокультурный подход* представляется наиболее приемлемым, так как он позволяет выявить когнитивные особенности АДМ, очертить контекст развертывания коммуникативной ситуации и проследить реализацию социокультурного компонента в ходе генерации дискурса.

Рассмотрев различные виды дискурсивных моделей, построенных с учетом таких параметров, как способ и канал общения, форма коммуникации, стиль изложения, фигуративность, количество участников, специфика отношений между ними, цель коммуникации, мы установили, что англоязычный дискурс медиации относится к институциональному типу дискурса, так как осуществляется в рамках устойчивой системы статусно-ролевых отношений, сложившейся в коммуникативном пространстве сферы досудебного урегулирования конфликтов. Опираясь на формулировку П. Бурдьё: «Институциональный дискурс – это дискурс порядка и надзора» [Bourdieu, 1990, p. 52], можно сделать однозначный вывод об институциональности рассматриваемого дискурса, так как при общении в медиации реализуется комплекс властных функций (impleментируются правила ведения и контроля медиативного процесса), а также признаются значимыми конкретные формы общественной реальности.

Определяя характер отношений внутри дихотомии «дискурс-текст» применительно к рассмотрению англоязычного дискурса медиации, мы избегаем противопоставления данных генетически родственных понятий и считаем, что эти сущности находятся не в оппозиции, а во взаимодействии. Медиативные тексты не существуют вне дискурсивной модели медиации, так как именно она обеспечивает их формирование и функционирование.

Рассматривая дискурс как сферу реализации устной и письменной коммуникации, мы предлагаем трактовать АДМ в двух измерениях: устном и письменном. Устный дискурс медиации можно охарактеризовать как совокупность различных ситуаций *непосредственного* общения участников конфликта при содействии медиатора. Письменный дискурс медиации – это *опосредованное* общение, находящееся материальное воплощение в форме *документации* (согласие на проведение медиации, финальное соглашение о компромиссе, иная официальная документация), гарантирующей официальный статус проводимой процедуры. В структуре АДМ сочетаются такие формы дискурсивного взаимодействия [см.: Goffman, 1981; Samar, Alibakhshi, 2007], как монолог (вступительная речь медиатора), диалог между одной из сторон и медиатором, а также непосредственно между сторонами конфликта, групповое общение между медиатором и обеими сторонами, либо же между медиатором и представителями сторон.

Участниками дискурса медиации выступают представители различных социальных групп, вступающие в общение и исполняющие определенные коммуникативные роли, специфика которых зависит от типа процесса. Дискурс медиации предполагает не менее трех участников процесса – медиатора и две конфликтующих стороны. При этом все указанные субъекты являются частью дискурсивной модели медиации, представляя собой компоненты данного дискурса, в отличие от системы «говорящий-текст-слушатель» [Валгина, 2003, с. 53], для которой характерны однонаправленные отношения между участниками и несколько ограниченная степень их вовлеченности в дискурсивное взаимодействие.

Вопрос о *структурных характеристиках дискурса* до сих пор остается дискуссионным. В настоящем исследовании мы предприняли попытку построения структурной модели АДМ, основываясь на очевидной способности различных субъектов дискурса определять возможную последовательность высказываний, при которой сохраняется логичность коммуникативного акта.

Многие исследователи [Карасик, 2002; Макаров, 2003; Олешков, 2010] отмечают, что структура дискурса уникальна тем, что дискурс обладает свойством внутренней самоорганизации. При построении модели дискурса необходимо учитывать его интерактивный характер, а также параметры интерсубъектности и интенциональности. В любом дискурсе реализуется определенный порядок коммуникативных ходов, представляющих комплекс речевых действий, специфика организации и языкового наполнения которых зависят от границ трансакции, жанровой принадлежности ситуации общения, а также от интенций субъектов [Макаров, 2003, с. 202]. Продуманная организация как отдельных коммуникативных актов, так и глобальной структуры дискурса выступает в качестве эффективного внутреннего инструмента, способствующего наиболее корректной репрезентации и реконструкции смысла [см., например: Олешков, 2010; Макаров, 2003; Кибрик, 2003б]. Наличие определенных отношений между элементами локальной и глобальной структуры дискурса позволяет устанавливать системные связи между уровнями дискурса, что, в свою очередь, обеспечивает устойчивость и целостность всей дискурсивной модели.

Экстраполяция понятия «глобальной структуры» в сферу АДМ обуславливает необходимость учета двух важных факторов, что вызвано, прежде всего, сложностью самой процедуры альтернативного разрешения юридических споров: 1) дискурсивная модель медиации сочетает в себе устную и письменную коммуникацию (переговоры реализуются в устной форме, тогда как соглашения, являющиеся продуктом медиации, подтверждающим успешное достижение коммуникативной цели, представлены в письменном виде); 2) в структуре медиации существует целый комплекс различных типов комму-

никации, среди которых коммуникация «*сотрудничества*», «*конфронтационная*», «*оценочная*» коммуникация и т.д. Таким образом, модель АДМ можно представить в виде *многоуровневой модульной структуры*, состоящей из множества коммуникативных актов, различающихся прагматическими установками, протяженностью во времени (например, вступительная речь длится меньше, чем основное обсуждение) и т.д. Устную часть процесса медиации можно представить в виде следующей системы модулей: *инструктирование сторон по поводу проведения процедуры => оглашение версий сторон о причине конфликта => ответы сторон на вопросы, выяснение деталей => совместное обсуждение проблемы => дополнительные вопросы => разбор вопросов и ответов сторон => выдвижение идеи компромисса => соглашение*.

Коммуникативные модули (консолидирующий, инструктирующий, волонтеративный, информативный и т.д.), которые реализуются в АДМ в рамках модели «коммуникации сотрудничества» [см. подробнее: Whatling, 2013, p. 58], – это цепь относительно упорядоченных речевых действий, соотносящихся с основными этапами медиации, описанными в «European Code of Conduct for Mediators» (Европейский кодекс поведения медиаторов) – официальном документе, определяющем стандарты работы специалистов и принципы процедуры [http://www.ec.europa.eu/civiljustice/adr/adr_ec_code_conduct_en.pdf]. Такая последовательность необходима для контроля медиатором процесса, а также для последовательного развертывания обсуждения, что позволяет исключить чрезмерное акцентирование мнения одной из сторон, которое может усугубить уже существующий конфликт. Представленные модули входят в структуру модели АДМ в обозначенном порядке, однако, иногда они имеют свойство образовывать определенные комбинации в том случае, когда того требует сама процедура (например, бывают необходимы дополнительные конфиденциальные обсуждения конфликта медиатором с каждой из сторон).

Медиация как дискурсивная практика, существующая уже в течение достаточно продолжительного времени, характеризуется наличием определенных *параметров*, изучение которых необходимо для более глубокого анализа как самого процесса, так и стратегий, позволяющих сделать процедуру урегулирования конфликтов эффективнее. Принадлежность дискурса медиации к сфере специализированного дискурса определяет тот факт, что значительная доля его лексической составляющей приходится на термины. Медиация является менее формальной процедурой, чем стандартный процесс в суде, поэтому частота употребления терминов в медиативной речи существенно ниже, чем, например, в судебной.

Анализ структурных параметров АДМ целесообразно проводить в двух измерениях: во-первых, существует определенная система

дискурсивных формаций [Ревзина, 2005], которая обеспечивает функционирование дискурсивной модели медиации; во-вторых, со структурной точки зрения, дискурс медиации – это модель, уровни развертывания которой совпадают с основными этапами самой процедуры медиации (вступительное слово, представление деталей дела, обсуждение и т.д.).

Интертекстуальное взаимодействие как один из параметров дискурса медиации необходимо для «продвижения дискурсивной формации во времени» [Ревзина, 2005], что и происходит с помощью различных интертекстов. Так, например, проведенный нами анализ эмпирического материала показывает, что практически все виды медиативных текстов (регламентирующие, устанавливающие правила, тексты заявлений, выступлений и договоров) участвуют в «дискурсивных процессах деривации и обоюдного заимствования» [там же].

Следующим параметром, определяющим не только структуру АДМ, но и выбор прагматических стратегий, используемых его участниками, является субъектность. Заметим, что в плане субъектности дискурса медиации невозможно рассматривать с позиции традиционных отношений *producer-interpreter* [<http://www.annabaum.com/r2.pdf>], так как минимальное количество участников дискурса медиации равняется трем (медиатор и минимум две конфликтующие стороны), и все они выступают равноправными *субъектами* дискурсивного взаимодействия на разных этапах процедуры медиации. Так, например, стороны конфликта выполняют пассивную роль «*interpreters*» во время речи медиатора, но переходят в активную позицию «*producers*» во время переговоров, представляя собственные аргументы, касающиеся конфликтной ситуации. Поэтому важным параметром АДМ, независимо от формы медиативного процесса (онлайн трибунал или переговоры в реальном времени), служит полисубъектность.

Заметим, что рассмотренные выше параметры выступают в качестве важнейших для профессионального дискурса (дискурс медиации в данном случае не является исключением). Выявленные параметры АДМ помогают разграничить смежные дискурсивные модели и создают основу для дальнейшей разработки эффективных стратегий, которые могут быть использованы как конфликтующими сторонами, так и медиатором для совершенствования сферы внесудебного урегулирования конфликтов.

Во второй главе «**Терминологическая составляющая англоязычного дискурса медиации**» проведен структурный и семантический анализ терминов медиации, выявлены основные виды терминологических оппозиций в данной сфере, рассмотрены основные препятствия на пути систематизации терминологии медиации, на основе опросов специалистов-медиаторов разработаны предложения по устранению данных препятствий.

Основным критерием для выделения терминосистемы медиации (ТМ) мы считаем *наличие семасиологических и системных связей между значениями медиативных терминов одного круга*. Англоязычная ТМ представляет собой совокупность терминов, сгруппированных по признаку существования между ними внутрисистемных структурных и понятийно-семантических связей, формирующих определенную семантико-функциональную структуру, тесно коррелирующую с референтной прикладной сферой медиации.

Терминосистема медиации обслуживает особое «когнитивно-коммуникативное пространство» [Голованова, 2011, с. 74] – деятельность людей, вовлеченных в процесс медиации. Архитектура данного пространства довольно сложна, а в ее основе лежит комплекс значимых категорий. В фундамент этой архитектуры заложены важнейшие параметры, позволяющие вычленить терминосистему медиации и описать ее специфику. В контексте сказанного вполне логично, что существуют общие для всей ТМ фундаментальные смыслы, заложенные в глубинную семантику множества терминов.

Динамика становления медиации как профессиональной области, стремление медиативного сообщества к обеспечению доступности терминов медиации и тенденция к образованию системных связей разного порядка внутри ТМ обуславливают такие параметры исследуемой терминологии, как *открытость, регулярность употребления, динамичность и относительная стабильность*. Требования к терминологии медиации, обеспечивающие ее информативность и адекватность целям коммуникации, во многом напоминают имманентные характеристики юридических терминов, что объясняется функционированием медиации в правовом контексте, но с поправками на меньшую строгость регламента медиативного процесса, в отличие от судебной процедуры.

На современном этапе развития ТМ можно назвать *открытой*, т.к. по мере расширения сфер применения медиации в процесс вовлекаются новые термины, как собственно медиативные, так и заимствованные из смежных сфер. Следует особо подчеркнуть *динамический характер* исследуемой терминосистемы, поскольку дефиниции ее составляющих могут уточняться в процессе углубления и приращения специализированного знания, по мере роста популярности процедур медиации. Так, семантика базовых медиативных терминов (*proposal, position, resolution* и т.д.) остается без изменений, и различные дефиниции данных терминов варьируются лишь по критерию краткость/развернутость, а новые смыслы и уточнения в семантику термина не вкладываются. Однако при диахроническом рассмотрении семантики терминов, вошедших в терминосистему медиации сравнительно недавно, можно заметить, что их дефиниции подвергались уточнениям и дополнениям.

Изучив широкий корпус медиативных документов, мы пришли к выводу о том, что терминосистему медиации, в отличие от юридической, можно назвать лишь относительно *стабильной*, прежде всего, потому, что медиация только начинает внедрение в жизнь общества, и, следовательно, ее терминология продолжает неуклонно развиваться, уточняться в аспекте дефиниций и пополняться новыми элементами. Показательно, что идея о нецелесообразности отказа от традиционных терминов, используемых в юридической сфере, прослеживается в англоязычной терминологии медиации совершенно отчетливо. Несмотря на то, что в медиации решение принимается на основе обоюдного согласия сторон, а не нормативно-правового акта, предполагается, что термины, закрепляющие соглашение сторон, должны быть максимально понятными и не должны вводить участников медиации в заблуждение. Отсюда можно сделать вывод о том, что термины, которые являются «строительным материалом» для развертывания основных этапов дискурса медиации, – это, в первую очередь, активно употребляемые слова и фразы, известные большинству людей, решающих на медиацию. В частности, терминологизированные единицы *interest, neutral, persuasion, threat* обладают прозрачной мотивацией, их значение понятно неспециалисту в юридической сфере (формирование терминологического значения происходит без изменения формы слова и является результатом семантической специализации).

С точки зрения используемых моделей терминодеривации ТМ обладает относительно высокой степенью *регулярности*, т.е. стремится к упорядочению внешней формы терминов, соотносимых с определенной семантической сферой. Например, большинство терминов, обозначающих медиативные стратегии и технологии, образовано с помощью добавления суффикса **-ing**: *executive hearing, face saving, fact finding, framing, collaborative problem-solving, collaborative planning, good faith bargaining, anchoring, reframing, stereotyping, reality testing, counseling*.

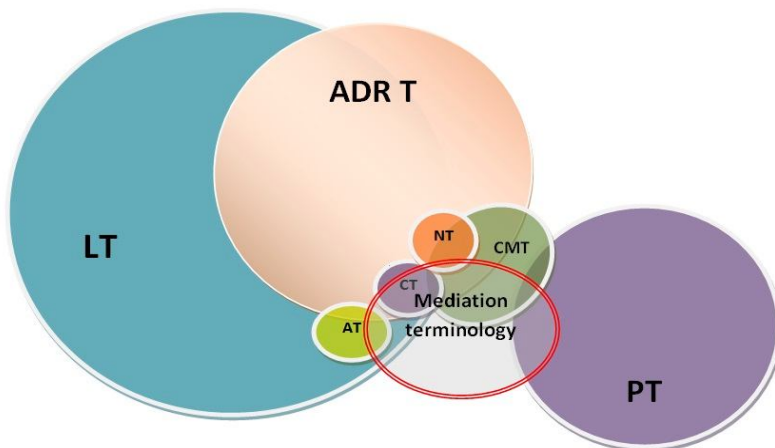
Известно, что наличие нескольких теорий в рамках одной области знания обуславливает наличие нескольких терминосистем [см., например: Temmerman, van Campenhoudt, 2011; Kristiansen, 2011]. В рамках направления ADR, помимо медиации, существует еще несколько относительно похожих процедур (*arbitration, solicitation* и т.д.), направленных на внесудебное разрешение конфликтов и отличающихся друг от друга степенью вовлеченности нейтральной стороны в процесс, ее ответственностью и спектром полномочий, уровнем конфиденциальности, публичности и наличием/отсутствием безапелляционности решения [Hellman, 2012, p. 599]. В данном случае считаем возможным говорить о различных течениях в рамках одной теории, в связи с чем терминосистему медиации можно тракто-

вать как одну из терминосистем сферы ADR, имеющую лексические совпадения со «смежными» терминологиями, но остающуюся при этом *самостоятельной*.

Негомогенный характер исследуемой лексической подсистемы проявляется во множественных *содержательных пересечениях* с терминологиями юриспруденции, психологии и конфликтологии. Точки пересечения с другими терминологиями маркируют внешние границы терминологии медиации (см.: **Изображение № 1**).

Изображение № 1. Содержательные пересечения ТМ с другими терминосистемами английского языка*

- * *ADR T* – ADR Terminology;
NT – Negotiation Terminology;
CT – Conciliation Terminology;
AT – Arbitration Terminology;
LT – Legal Terminology;
PT – Psychological Terminology;
CMT – Conflict Management Terminology

Мы выявили следующие группы терминов, входящие в структуру ТМ (репрезентативность выборки составила 859 терминов):

1. Собственно медиативные термины (57,04% (490 терминов выборки)). Например: *caucus, Golden Bridge strategy, co-mediation, opening statements, early neutral evaluation, narrative approach*.

2. Термины, принадлежащие к сфере ADR (21,65% (186 терминов)). Например: *third party intervention, two-track approach, multi-door courthouse, dispute review boards, area-wide bargaining, BATNA*.

3. Общеюридические термины (7,92% (68 терминов)). Например: *tort, vesting, custody, judicial review plaintiff, bona fide, bad faith*.

4. Общеупотребительные слова, претерпевшие специализацию значения (5,82% (50 терминов)). Например: *award, sign, avoidance, co-existence, dispute, polarization, interest*.

5. Термины психологии (4,19% (36 терминов)) и конфликтологии (3,38% (29 терминов)). Например: *communication channels, cognitive dissonance, common courtesy, intra-psyche conflict, de-escalation, intolerance, reflective listening*.

Анализ компонентной структуры терминов медиации показал, что количественное преимущество имеет группа двухкомпонентных терминов (46,1 % (396 терминов выборки)), номинирующих достаточно сложные по структуре специализированные понятия (*opening statement, concerted activity, confidential listener, comprehensive mediation, restorative justice, collaborative divorce*). Процентные доли трехкомпонентных (*elder care mediation, early neutral evaluation, fact finding expert, duelling experts syndrome*) и однокомпонентных терминов (*disclosure, stereotyping, commonalties*) в нашей выборке примерно сопоставимы (порядка 20-30 %). Термины со сложной структурой, включающие четыре и более компонентов, достаточно немногочисленны.

Результаты анализа особенностей структуры единиц ТМ демонстрируют, что 38,42 % (330) терминов медиации образованы на основе единиц других терминосистем, используемых в ТМ в качестве строительного материала для двух- и трехкомпонентных терминов. Преимущественно это термины, репрезентирующие концепты из психологии (*analytical problem solving*), и однокомпонентные юридические термины, функционирующие в структуре медиативных терминов в качестве препозитивных определений (*custody session, appellate mediation*). Согласно нашему подсчету, наиболее часто в структуру терминов медиации входят заимствованные терминологические элементы, обозначающие объект/процесс, на который распространяется действие процедуры, либо характеризующие метод/технологию, применяемую в медиации (*workplace mediation, out-of-court method*).

Рассмотрение механизмов терминодеривации в сфере медиации показало, что синтаксическое терминоподобразование (70,66%) преобладает над морфологическими (7,1%), морфосинтаксическими (15,6%) и семантическими (6,64%) способами образования новых терминов. Среди наиболее продуктивных можно выделить следующие синтаксические модели: Adj. + N (13,97%), N + Participle I (9,43%), N + N (6,05%), Participle II + N (8,85%) (см. обобщенные данные в **Таблице 1**).

Модели терминообразования в английской ТМ

Модели терминодеривации в англоязычной ТМ	Количество терминов	%	Продуктивность
Морфологический способ терминообразования	61	7,1	
Derivation	60	6,98	
Pref. + N	16	1,86	low
N + Suf.	23	2,68	low
V + Suf	14	1,63	low
Pref. + N + Suf.	7	0,81	critically low
Conversion	1	0,12	
N to V	1	0,12	critically low
Синтаксический способ терминообразования	607	70,66	
N + N	52	6,05	high
N + Participle I	81	9,43	high
Adj. + N	120	13,97	high
Participle II + N	76	8,85	high
Adj. + N + Participle I	39	4,54	relatively high
Adj. + Participle I	22	2,56	low
N + N + N	41	4,77	relatively high
N + N + Participle I	35	4,07	relatively high
N + Participle I + N	17	1,98	low
Participle II + N + N	40	4,66	relatively high
Adj. + N + N	52	6,05	relatively high
Adj. + N + Adj. (Participle II) + N	7	0,81	critically low
Adj. + Adj. + N + (N)	5	0,58	critically low
N + N + N + N	11	1,28	low
Participle II (Adj.)+N+N+N+(N)	9	1,05	low
Морфолого-синтаксический способ терминообразования	134	15,6	
Compound + N	17	1,98	relatively high
Adj. + Compound	25	2,91	relatively high
Adj. + Compound + N	39	4,54	relatively high
Blending	1	0,12	critically low
Abbreviation (acronyms)	52	6,05	relatively high
Семантический способ терминообразования	57	6,64	
Metaphor	7	0,81	critically low
Specialization	50	5,82	relatively high
Всего	859	100,00	

Функционирующие в ТМ аббревиатуры, такие как *SAM* (*Court-Annexed Mediation*), *GRIT* (*Gradual Reduction in Tension*), *ZOPA* (*Zone of Possible Agreement*), *MLAM* (*Mediation Information and Assessment Meetings*), *BATNA* (*Best Alternative to a Negotiated Agreement*) частотно

употребляются как в письменной, так и в устной медиации, а отмеченная в исследовании динамика роста многокомпонентных терминов позволяет прогнозировать и дальнейшее развитие аббревиации. Относительно высокая частотность конвенциональных аббревиатур в ТМ (6,05 %) объясняется стремлением к экономии языковых средств, и, как следствие, уходом от использования в речи полноструктурных многокомпонентных терминов в пользу их сокращения.

Изучение семантической специфики терминосистемы медиации позволило определить, что наиболее репрезентативной в ТМ является группа терминов, имеющих в составе одно ядерное и периферийное значение (81,14%), эксплицирующее признак, свойство или характеристику феномена (*zipper mediation clause, private session, shuttle mediation, party-directed mediation, neutral party, out-of-court method, lawyer-supported mediation, area-wide bargaining, final-offer mediation*). Преобладание терминов, образованных по данной семантической модели, объясняется необходимостью вербальной репрезентации большого числа комплексных понятий, используемых в медиации.

Мы также установили, что в периферийной зоне семантики 19,56% многокомпонентных терминов локализована информация, эксплицирующая дифференциальные характеристики репрезентируемого понятия, что определяет наличие в ТМ **фактических** (*de-escalation / escalation, BATNA/WATNA, victim mediation / offender mediation*), **косвенно выраженных** (*voluntary parties / court-ordered parties*) и **смешанных** (*rights arbitration / binding arbitration / non-binding arbitration / baseball arbitration / baseball or final-offer arbitration*) **терминологических оппозиций**.

Обозначенную выше тенденцию к обеспечению понятности ТМ подтверждает также тот факт, что большинство терминов медиации являются мотивированными. При этом основные группы мотивированных терминов медиации представлены терминами, образованными посредством специализации значения общеупотребительных слов английского языка, и словосочетаниями, в которых один из терминологических элементов либо называет мотивирующий признак напрямую, либо указывает на него косвенно, что позволяет выделить в ТМ **квалификативные** (59,02%) (*adversarial approach, collaborative law, restorative justice neutral party punitive damages*) и **ассоциативные** (6,29%) (*strategy «Golden Bridge», satisfaction triangle*) **мотивированные термины**.

На следующем этапе исследования мы обратились к перспективам систематизации англоязычной ТМ. Функциональная специфика медиации, находящейся на стыке нескольких научных областей, обуславливает наличие в ТМ многочисленных транстерминов, а также протяженных синонимических рядов терминов, использование которых в дискурсе медиации не всегда оправдано, так как некоторые термины

нологические заимствования и чрезмерная синонимия затрудняют адекватную интерпретацию ТМ. Известно, что вопросы систематизации терминологии не могут быть разрешены в одностороннем порядке только специалистами, занимающимися изучением лингвистической стороны медиации. Необходимо привлечение практикующих специалистов-медиаторов, а также юристов, разрабатывающих правовые основы, обеспечивающие имплементацию медиативных процедур. Для реализации поставленной задачи по устранению «проблемных зон» ТМ мы определили круг вопросов, ответы на которые позволили бы сформулировать предложения по систематизации и гармонизации ТМ, и составили англоязычный «опросник», позволивший получить комментарии и рекомендации специалистов по вопросам использования синонимов и транстерминов в ТМ. В рамках конференции «Innovation Challenges in Multidisciplinary Research and Practice» (опрошено 36 специалистов), а также с помощью профессионально-ориентированных онлайн-форумов (<http://www.acrnet.org/>, <https://www.adr.org>, <https://www.fmcs.gov/>) (опрошено 39 специалистов) было проведено анкетирование практикующих медиаторов из США, Великобритании, Канады, Сингапура и Австралии. Кроме того, нами были обработаны данные аналитического отчета [Responses to NADRAC Discussion Paper, 2003], инициированного National Alternative Dispute Resolution Advisory Council, в котором представлены ответы наиболее авторитетных австралийских и американских экспертов в области альтернативного разрешения споров на вопросы, связанные с использованием и упорядочиванием терминологии ADR.

Проведенный анализ показал, что употребление транстерминов может быть оправданным в следующих случаях:

1) подтвержденная профессиональным сообществом необходимость использования заимствованного термина в сфере медиации, обусловленная отсутствием термина, более точно репрезентирующего соответствующее специальное понятие;

2) в ситуации, когда медиация обнаруживает связи с различными типами иных социальных и профессиональных отношений. Так, например, один из видов медиации *court-ordered mediation* (медиация, назначенная судом) подразумевает решение суда о направлении сторон конфликта к медиатору с целью возможного достижения компромисса. В таком случае неизбежно и целесообразно использование судебных терминов при описании истории конфликта в письменном и в устном дискурсе.

Кроме этого, на основе полученных нами данных можно сделать следующий вывод относительно возможностей регулирования синонимии в дискурсе медиации: если в семантике терминов есть

подтвержденные экспертами различия – уточнение, конкретизация, детализация –, то необходимо зафиксировать эти различия в дефинициях (*caucus / private meetings* (нужно указание на то, что переговоры проводятся только с одной стороной), *dispute/disagreement/conflict* (необходимо разграничение «состояние-процесс»), *impasse/obstacle* (необходимо указание на возможность/невозможность продолжения процесса).

В третьей главе «Лингвопрагматическая характеристика англоязычного дискурса медиации» описана специфика прагматической структуры дискурса медиации, рассмотрены основные стратегии и тактики, используемые участниками процесса, разработана классификация стратегий на основе принципа субъектности.

В ходе исследования было установлено, что в качестве основных факторов, детерминирующих лингвопрагматическую структуру англоязычного дискурса медиации, выступают:

а) специфический набор участников (конфликтующие/стремящиеся к примирению стороны; индивидуальные участники / группы участников; лица, сами выбравшие медиацию для решения спора / лица, которым медиация была назначена судом; непосредственно конфликтующие стороны / представители сторон);

б) тип процедуры (нарративная, оценочная, экосистемная медиация и т.д.);

в) характер спора, подлежащего разрешению, и используемый медиатором подход к урегулированию конфликта.

Мы также пришли к выводу о целесообразности применения принципа *субъектности* при исследовании комплекса прагматических стратегий, актуализируемых в АДМ. Данный принцип заключается в рассмотрении стратегической организации медиативных переговоров сквозь призму задач, которые ставит перед собой каждый участник процесса. Это связано с тем, что часто медиатор и стороны имеют различные (даже противоположные) целеустановки, что определяет возможность дифференциации используемых в медиации стратегий на основе субъектной оппозиции «медиатор-стороны конфликта». Опираясь на указанный принцип, мы определили, что прагматическая организация речи коммуникантов в медиации предполагает тактическое маневрирование в рамках системы **кооперативных и конфронтационных стратегий**. Сценарий кооперативных стратегий включает актуализацию ряда речевых тактик, направленных на установление отношений сотрудничества между участниками переговоров с целью достижения компромиссного решения, учитывающего *в равной степени интересы обеих сторон*. Прагматическая установка «на победу» в медиации обуславливает использование конфронтационных стратегий, целью которых является укрепление своей позиции через атаку, риторику и подавление соперника.

Направленность используемых *медиатором* дискурсивных стратегий обусловлена поставленными перед специалистом задачами, заключающимися в обеспечении проведения бесконфликтных переговоров, в организации продуктивного обсуждения возможных вариантов компромиссного решения, в противодействии эскалации конфликта и углублению противоречий между участниками спора. С учетом обозначенных задач мы выделили следующие стратегии, на реализацию которых направлено речевое поведение медиатора: *стратегия информирования, стратегия контроля над темой, стратегия трансформации конфликта, стратегия убеждения, стратегия совместного поиска альтернативного решения*. Проиллюстрируем некоторые способы актуализации обозначенных стратегий в процессе устной медиации на английском языке.

Типичные сценарии *стратегии информирования* актуализируются в процессе устной медиации через *тактики сообщения, разъяснения и иллюстрации*. Рассмотрим следующий пример.

(1) Joint Session

(1a) Mediator A: I'm just going to go over the role of the mediator. Why Melissa and I are here and what we are doing in this process. I'm here *to facilitate* the dialogue between you two. *Not to judge*. We *are not going to make* comments or remarks throughout this process. Our job is *to open the door for you*, guys, to have conversations about the issue at hand. *I'm not going to make* recommendations. *Neither one of us is going to provide* you with the solution. That is your job. We're just going *to help guide* you to a place where you *both feel most comfortable* with an outcome. So, Melissa here today is going to talk more about the process and what today will look like.

(1b) Mediator B: So, we're in charge here to helping the communication process. *Not making the decisions*. And the way the mediation process works, I don't know if you are familiar with the process, but basically what will happen is ... ah ... first we're going to make an agreement to mediate. I emailed to you earlier this week, hopefully you had a chance to look that over. We'll run through that quickly again before we sigh it a little bit later. And then we're going to hear from *both of you*. Typically we start with a person who brings it to our attention. An Nancy, you brought that to our attention (points at Nancy).

[<https://www.youtube.com/watch?v=octPvGiYOq8>]

Тактика сообщения реализуется в (1) через моделирование образа медиации посредством отрицания неприемлемого в процессе, а также через введение лексических единиц и сочетаний, вербализирующих концепт ПОМОЩЬ (*to facilitate, to open the door for you, to help, to guide, helping* и т.д.). Интересно, что при создании образа медиации в сознании реципиентов специалисты отталкиваются от отрицания

неприемлемого, косвенно указывая на контраст «медиация – разрешение вопроса в суде». Несмотря на то, что слово «суд» в речи не называется, очевидной является цель создания образа комфортной неформальной процедуры, в которой, в отличие от суда, нет места ни осуждению (1a) «*Not to judge*», ни вынесению решения (1a) «*Neither one of us is going to provide you with the solution*». На синтаксическом уровне отрицание неприемлемого частотно реализуется через использование отрицательных глагольных конструкций: (1a) «*Not to judge*», «*We are not going to make comments or remarks throughout this process*», «*I'm not going to make recommendations*», (1b) «*Not making the decisions*» и местоименных (1a) «*Neither one of us is going to provide you with the solution*». Данный прием позволяет не только сделать сообщение более доступным, но и апеллировать к таким человеческим чувствам, как страх и тревога, через отрицание опасностей (отрицание возможности осуждения и принятия решения без учета желаний участника). Типичный прием медиатора – обращение к сторонам через объединение, что выражается местоимениями *you* и *both* (1a) «*a place where you both feel most comfortable*», «*we're going to hear from both of you*» – используется для того, чтобы подчеркнуть равноправие участников и настроить их на сотрудничество.

Отметим, что большая часть выявленных нами стратегий реализуется через введение в переговоры различных *вопросов*, цель которых не всегда состоит в получении более подробной информации от участников. Вопросы в медиации – главный инструмент посредника в выяснении обстоятельств дела, в определении типа конфликта, эмоционального отношения сторон к спору, а также эффективное оружие в построении и актуализации кооперативных и вспомогательных медиативных стратегий, направленных на совместную работу над компромиссным решением и на избежание эскалации конфликта со стороны участников. В частности, *стратегия трансформации конфликта* часто реализуется через *тактику обращения к чувственной стороне конфликта* путем введения в обсуждение уточняющих вопросов и имеет целью моделирование ситуации, в которой участники открыто говорят о своих чувствах, обидах/неудовлетворенности и т.д. В примере (2) представлены фрагменты совместных и частных обсуждений конфликта между двумя студентами, представителями различных религий (Али – ислам, Боб – христианство), которые живут в одной комнате в общежитии и спорят из-за различных представлений о поведении:

(2) Joint Session

(2a) Ali: I want his friends to stop taunting me to drink.

(2b) Bob: I want him to stop preaching at me about what the Koran says.

(2c) Mediator: *How will you live together in respect of both lifestyles?*

(2d) Carol: Well, it sounds like we do have issues to discuss ... (summarizing issues)

Ali's Private Session

(2e) Ali: We don't do much together any more. We used to. I hardly ever talk to (1f) Bob. He only comes back to our room with his loud friends, or just to sleep.

(2g) Mediator: *What alternatives do you see?*

Bob's Private Session

(2h) Bob: To tell the truth, I guess my friends really did say some of those things.

(2i) Mediator: *How do you feel about that?*

(2j) Bob: Well, of course, I wish it hadn't happened

(2k) Mediator: *Would you like to tell Ali how you feel?*

[http://www.campus-adr.org/cr_services_cntr/mit_all.pdf]

Речевой ход медиатора в (2) – это последовательно вводимые в дискурс вопросы о желаниях и чувствах переживающих межличностный конфликт участников (2i, 2k «*How do you feel about that? Would you like to tell Ali how you feel?*»), обеспечивающие реализацию тактики обращения к чувственной стороне конфликта, нацеленной на нейтрализацию противоречий. Кроме того, корректно введенные вопросы медиатора позволяют больше узнать о мнении сторон относительно предпочтительного сценария разрешения конфликта и тем самым актуализировать одну из важнейших кооперативных стратегий в медиации – *стратегию совместного поиска альтернативного решения*. В примере (2) медиатор использует *разведывательную тактику*, призывая участника конфликта изложить, какой вариант развития событий кажется ему предпочтительным (2c, 2g «*How will you live together in respect of both lifestyles? What alternatives do you see?*»).

Результаты изучения лингвопрагматической организации речи медиатора позволяют заключить, что специалист-посредник редко строит речевое поведение, опираясь на аргументацию в чистом виде, так как его роль ограничивается поддержанием обсуждения, а приведение доводов за или против какой-либо позиции дискредитирует его как специалиста. Между тем, мы полагаем, что, в отличие от эксплицитной аргументации, применяемой сторонами конфликта, медиатор производит воздействие на сознание клиентов через *скрытое аргументирование*. В частности, к приемам скрытой аргументации можно отнести применение *тактики моделирования благоприятной альтернативной ситуации*, позволяющей медиатору актуализировать кооперативную *стратегию совместного поиска альтернативного решения*. Данная тактика частотно реализуется в современном АДМ через условные предложения второго типа. Использование медиатором вопросительной грамматической конструк-

ции Conditional Type II позволяет специалисту представить сторонам целый комплекс возможных ситуаций развития событий и выяснить, какое решение было бы принято ими в том случае, если бы описанные им условия были реальными: «*If you were in her shoes what would be an acceptable agreement? To have a tenant with an open rent?*». Таким образом, медиатор получает возможность подготовить проект компромисса, который фактически составляют сами стороны.

Сложность описания системы стратегий, используемых сторонами конфликта в процессе устной медиации, заключается в невозможности выделения комплекса универсальных, типичных сценариев поведения сторон конфликта. Рассмотрев фрагменты индивидуальных и совместных сессий, проводимых в рамках различных практикуемых сегодня медиативных подходов, мы установили, что в каждом процессе участники руководствуются только частными установками и интересами и не ориентируются, в отличие от медиатора, на глобальную цель дискурса. Характер интенций сторон конфликта в медиации позволил нам выделить *стратегии на понижение* и *стратегии на повышение*, в рамках которых конфликтующие планируют свое коммуникативное поведение.

Анализ стратегического маневрирования сторон конфликта в процессе медиативных переговоров показал, что чаще всего, актуализируя стратегию на понижение, участники процесса обращаются к стереотипизации, целью которой является дискредитация оппонента через перенос отрицательного образа целой группы на конкретного участника. На языковом уровне такое негативное обобщение реализуется с помощью экспрессивной лексики, гипербол и конструкций с притяжательными местоимениями. В целом, исследование речевого поведения сторон конфликта в процессе устной медиации показывает, что переговоры с нейтральным посредником располагают участников к применению различных стратегий и частных тактик, направленных на достижение личной выгоды – укрепление собственной позиции и дискредитацию оппонента.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением лингвистических аспектов феномена медиации на материале различных языков, в том числе и русского. Представляется целесообразным рассмотреть дискурс медиации в сопоставительном аспекте на англоязычном и русскоязычном материале, а также проследить пути заимствования ТМ из английского в русский язык, определить пути упорядочения, унификации и гармонизации русскоязычной ТМ, провести углубленное изучение терминологии конкретных сфер медиации на англоязычном материале, спрогнозировать «точки роста», в которых возможно дальнейшее приращение терминофонда исследуемой сферы.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях (по перечню ВАК при Минобрнауки РФ):

1. Чернышенко, А.Г. Специфика лингвистических параметров дискурса медиации / А.Г. Чернышенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 12-1 (30). – С. 209-213 (0,5 п.л.).
2. Чернышенко, А.Г. Семантические модели терминологии медиации / А.Г. Чернышенко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – № 4. – С. 99-103 (0,6 п.л.).
3. Чернышенко, А.Г. Систематизация терминологии медиации. Структурные и словообразовательные модели терминов / А.Г. Чернышенко // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск, 2015. – № 3 (19). – С. 72-78 (0,4 п.л.).
4. Чернышенко, А.Г. Границы терминосистемы медиации. Критерии выделения терминов. Содержательные пересечения / А.Г. Чернышенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 11-3 (53). – С. 200-204. (0,6 п.л.).
5. Чернышенко, А.Г. К вопросу о функционировании и систематизации молодых профессиональных терминологий (на примере терминологии медиации) / А.Г. Чернышенко // Современные проблемы науки и образования. – М., 2015. – № 2-2. – С. 284 (0,4 п.л.).
6. Моногарова, А.Г. Проблема синонимических рядов в терминологии медиации. Определение доминанты / А.Г. Моногарова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2016. – № 3. – С. 146-151 (0,7 п.л.).
7. Чернышенко, А.Г., Алимуратов, О.А. Прикладная терминосистема с функциональной точки зрения: терминологический компонент англоязычного дискурса медиации / А.Г. Чернышенко, О.А. Алимуратов // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск, 2014. – № 2. – С. 408-415 (0,8 п.л. / 0,6 п.л.).
8. Чернышенко, А.Г., Головченко, И.Ф. Приемы стратегического маневрирования в процессе юридической медиации / А.Г. Чернышенко, И.Ф. Головченко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2013. – № 3. – С. 316-319 (0,5 п.л. / 0,4 п.л.).
9. Чернышенко, А.Г., Головченко, И.Ф., Кобышева, Е.И. Мотивационные модели терминов медиации. Терминологические оппозиции / А.Г. Чернышенко, И.Ф. Головченко, Е.И. Кобышева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического универ-

ситета. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – № 4. – С. 103-107 (0,6 п.л. / 0,5 п.л.).

10. Моногарова, А.Г., Кобышева, Е.И. Структурно-функциональный аспект систематизации аббревиатур в терминологии медиации / А.Г. Моногарова, Е.И. Кобышева // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2016. – № 12-2 (54). – С. 58-62 (0,5 п.л. / 0,45 п.л.).
11. Чернышенко, А.Г., Головченко, И.Ф. К вопросу о структуре дискурса медиации / А.Г. Чернышенко, И.Ф. Головченко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 2. – С. 163-167 (0,6 п.л. / 0,5 п.л.).
12. Чернышенко, А.Г., Лату, М.Н. Системные отношения внутри терминосистем прикладного характера (на материале терминологии информационных технологий и терминологии медиации) / А.Г. Чернышенко, М.Н. Лату // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1-2 (43). – С. 202-206 (0,72 п.л. / 0,5 п.л.).

Публикации в журналах, входящих в базу данных Scopus:

13. Chernyshenko, A.G., Alimuradov, O.A. Linguistic parameters of the mediation discourse / A.G. Chernyshenko, O.A. Alimuradov // Middle East Journal of Scientific Research. – 2013. –V. 15, № 8. – С. 1092-1096 (0,5 п.л. / 0,3 п.л.).

Публикации в других изданиях:

14. Моногарова, А.Г. Проблема синонимических рядов при систематизации терминологии медиации / А.Г. Моногарова // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – С. 110-114 (0,3 п.л.).
15. Чернышенко, А.Г. Современный англоязычный дискурс медиации: основные прагматические стратегии и тактики коммуникантов / А.Г. Чернышенко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел, 2014. – С. 139-150 (0,7 п.л.).
16. Чернышенко, А.Г. Проблема онтологии и структуры дискурса. Специфика англоязычного дискурса медиации / А.Г. Чернышенко // Молодой ученый. – Казань, 2013. – № 5. – С. 490-495 (0,8 п.л.).
17. Чернышенко, А.Г. Об основных характеристиках терминологии медиации / А.Г. Чернышенко // Университетские чтения – 2015: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – С. 57-61. (0,3 п.л.)

18. Моногарова А.Г. Проблема референтной сферы в медиации. Требования к речи медиатора / А.Г. Моногарова // Актуальные вопросы филологических наук: материалы IV Международной научной конференции. – Казань, 2016. – С. 37-40 (0,35 п.л.).
19. Моногарова, А.Г., Кобышева, Е.И. Статус транстерминов в терминосистеме медиации / А.Г. Моногарова, Е.И. Кобышева // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2016. – С. 98-104 (0,4 п.л. / 0,35 п.л.).
20. Моногарова, А.Г., Кобышева, Е.И. Стратегическая организация речи медиатора в англоязычном дискурсе медиации / А.Г. Моногарова, Е.И. Кобышева // *Juvenis scientia*. – СПб., 2016. – № 5. – С. 12-16 (0,7 п.л. / 0,65 п.л.).
21. Моногарова, А.Г., Кобышева, Е.И. Транстерминологизация в языке медиации. Условия целесообразности использования транстерминов / А.Г. Моногарова, Е.И. Кобышева // *Juvenis scientia*. – СПб., 2016. – № 6. – С. 22-25 (0,6 п.л. / 0,5 п.л.).
22. Моногарова, А.Г., Раздвев, А.В. Сопоставительный анализ структурных моделей фундаментальных и прикладных терминосистем (на материале терминологий нанотехнологий и медиации) / А.Г. Чернышенко, А.В. Раздвев // *Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III Междунар. науч. конф.* (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 123-128 (0,6 п.л. / 0,4 п.л.).

Базы данных:

23. Моногарова, А.Г. Свидетельство о государственной регистрации базы данных «Англо-русская база данных стратегической организации речевого поведения в медиации: стратегии, тактики, термины» № 2017620029 от 10.01.2017 года. Правообладатели: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», А.Г. Моногарова.
24. Моногарова, А.Г. Свидетельство о государственной регистрации базы данных «Многоаспектная англо-русская база данных терминологии медиации» № 2016621674 от 16.12.2016 года. Правообладатели: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», А.Г. Моногарова.

Подписано в печать 17.04.2017
Формат 60×841/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 1,4. Уч.-изд.л. 1,3. Тираж 100 экз. Заказ №.

Пятигорский государственный университет
357532 Пятигорск, пр. Калинина 9
Отпечатано в Центре информационных и образовательных технологий
ПГУ